

О КОНЦЕПЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В СВЕТЕ ИХ ОБЪЕКТА

© 2023 г. И. В. Овчинников

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

E-mail: oiv413@gmail.com

Поступила в редакцию 23.06.2022 г.

Аннотация. В статье исследуется понятие интеллектуальных прав, введенное Частью четвертой Гражданского кодекса РФ для обозначения совокупности прав на интеллектуальную собственность. Автор обосновывает его самостоятельный характер и независимость данных прав в системе субъективных гражданских прав не только от права собственности и иных вещных прав, но и от института охраны нематериальных благ (защиты личных неимущественных прав). Исторические особенности развития европейской цивилистики XIX в., стремившейся к отказу от проприетарной теории интеллектуальной собственности, привели в тот же период к формированию теории личных прав на результаты творческой деятельности. Указанная теория, понимавшая произведение как продолжение личности автора, в свою очередь, оказывает влияние на отечественное гражданское право и приводит к смешению интеллектуальной собственности и нематериальных благ личности в системе объектов гражданских прав.

Ключевые слова: гражданское право, интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, авторское право, проприетарная теория интеллектуальной собственности, личные неимущественные права, нематериальные блага, объекты гражданских прав.

Цитирование: Овчинников И.В. О концепции интеллектуальных прав в свете их объекта // Государство и право. 2023. № 7. С. 79–87.

DOI: 10.31857/S102694520020813-5

ON THE CONCEPT OF INTELLECTUAL RIGHTS IN THE LIGHT OF THEIR OBJECT

© 2023 I. V. Ovchinnikov

Udmurt State University, Izhevsk

E-mail: oiv413@gmail.com

Received 23.06.2022

Abstract. This article explores the concept of intellectual rights, introduced by Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation to denote the totality of intellectual property rights. The author argues its independence among subjective civil rights not only from property rights, but also from the rights of personality. The development of European Civil Law of the XIX century that led to steady decline of the proprietary theory of intellectual property, simultaneously led to the formation of the theory of personality rights in relation to artistic work. This theory, which understood the work as a continuation of the author's self, still exerts its influence upon Russian Civil Law and leads to the confusion of intellectual property with inalienable attributes of personality (intangible goods) in the system of objects of civil rights.

Key words: Civil Law, intellectual rights, intellectual property, copyright law, proprietary theory of intellectual property, personality rights, attributes of personality, objects of civil rights.

For citation: Ovchinnikov, I.V. (2023). On the concept of intellectual rights in the light of their object // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 79–87.

Постановка проблемы

Разработка и принятие Части четвертой Гражданского кодекса РФ сопровождалась страстной (подчас пристрастной) научной дискуссией, выливающейся на страницы научных журналов, монографий и диссертаций. Этому, нет сомнений, способствовал поистине титанический объем открытого ей правового материала, но подлинную причину, как видится, необходимо искать в другом. Часть четвертую ГК РФ по аналогии с т.н. авторским кинематографом стоило бы назвать авторским законодательством. В момент своего принятия она содержала в себе оригинальное в мировом контексте и хорошо артикулированное видение как многих фундаментальных теоретико-правовых проблем, имевшихся в праве интеллектуальной собственности, так и способов их решения. Это авторское видение на тот момент едва ли можно было назвать общепринятым, а потому неудивительно, что ему пришлось испытать на себе критику.

Для большинства юристов идея исчерпывающего регулирования в рамках Гражданского кодекса РФ всего комплекса отношений, связанных с результатами интеллектуальной деятельности, кажется бесспорной, а термин «интеллектуальные права» — привычным. Часть четвертая ГК РФ доказала свою теоретическую и практическую состоятельность, обросла большим корпусом доктринальных комментариев и выработанных судами правовых положений. Тем интереснее сейчас вернуться к дискуссии о ее понятийном аппарате.

В 2007 г. увидела свет известная статья В.П. Мозолина «О концепции интеллектуальных прав»¹, содержащая критическую оценку понятийных нововведений Части четвертой ГК РФ. Аргументы, изложенные в ней и подобные им, многократно приводились и обсуждались в литературе того периода², и не все из них по прошествии лет в полной мере сохранили свою актуальность. Тем не менее эта статья ценна уже постановкой проблемы, вынесенной в название. И правда, какова же концепция интеллектуальных прав в отечественном гражданском праве? Вопрос тем более интересный, что А.Л. Маковский, один из разработчиков Части четвертой ГК РФ, отвечая на эту и другие публикации, подчеркивал: никакой концепции

интеллектуальных прав в Части четвертой ГК РФ не существует³.

Столь ясный и не оставляющий пространство для маневра комментарий мог бы обескуражить исследователя. Стоит ли искать в законе научную проблематику и доктринальную глубину там, где, по утверждению самого автора закона, цивилиста с непререкаемым авторитетом, ее нет и не предполагалось? Ответ на этот вопрос дал сам А.Л. Маковский: «Пока это (интеллектуальные права. — *И.О.*) лишь общая “упаковка” для субъективных гражданских прав, у которых явно есть общие черты (нематериальность объектов этих прав, абсолютный характер). <...> Выяснение сущности интеллектуальных прав, позволяющей признать их субъективными гражданскими правами особого типа, — задача второго шага на долгом пути...»⁴. Таким образом, понятийную трансформацию Части четвертой ГК РФ следует считать не окончанием, а началом дискуссии о сущности и природе интеллектуальных прав.

Среди непроясненных вопросов, касающихся интеллектуальных прав, обычно называют проблемы, связанные с их составом и юридической природой. В частности, остро стоит вопрос о т.н. иных интеллектуальных правах, среди которых наибольшее внимание цивилистов заслужили право доступа и право следования. Кажется не слишком правильным ставить неприкаемость этих и других «иных» прав в упрек разработчикам Части четвертой ГК РФ или даже абстрактным «отечественным правоведам»⁵, которые не смогли разобраться с их природой. Обратившись к практике европейских стран, мы обнаружим, что смотримся в зеркало, — европейские правоведа испытывают не меньшие сложности, чем российские⁶. Эта тема заслуживает не упоминания, а отдельного глубокого исследования, поэтому рассматриваться в рамках данной статьи не будет.

Что же касается дихотомии «имущественные права vs личные неимущественные права» в целом, то она представляет собой характерное родовое пятно права интеллектуальной собственности, и именно ей хотелось бы уделить внимание, но под вполне определенным углом зрения. Как бы мы ни

³ См.: Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010. С. 624.

⁴ Маковский А.Л. Об интеллектуальных правах // Актуальные вопросы российского частного права: сб. ст., посвященный 80-летию со дня рождения проф. В.А. Дозорцева. М., 2008. С. 223.

⁵ Рожкова М.А. «Триада» интеллектуальных прав: верен ли законодательный подход // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 11. С. 16.

⁶ См., напр., анализ права следования во французской юриспруденции: Lucas A., Lucas H.-J., Lucas-Schloetter A. *Traité de la propriété littéraire et artistique*. Paris, 2012. P. 424, 425.

¹ Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал рос. права. 2007. № 12. С. 100–109.

² См., напр.: Горохов О.А. О проекте части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Правоведение. 2006. № 6. С. 36–51; Суханов Е.А. Гражданское право России — частное право. М., 2008. С. 143–150; Толстой Ю.К. О понятийном аппарате части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Правоведение. 2008. № 2. С. 39–43.

понимали термин «интеллектуальные права» и что бы мы ни вкладывали в его содержание, мы во всяком случае должны предположить, что все эти права имеют хотя бы один объединяющий их признак, который и позволяет нам в рамках классификации субъективных гражданских прав отнести их в группу, именуемую «интеллектуальные права».

Исключительное право и личные неимущественные интеллектуальные права на первый взгляд не просто отличны, но существуют как бы в бинарной оппозиции друг к другу и по своему субъекту (правообладатель vs автор), и по срокам охраны (намеренно игнорируя нюансы, в целом ее можно очертить в европейской традиции как «срочность охраны vs бессрочность охраны»), и по возможности перехода к другим лицам (по общему правилу, отчуждаемое vs неотчуждаемое), и по существу заложенных в них возможностей. Что же объединяет столь разные правовые сущности?

Казалось бы, ответ на данный вопрос насколько очевиден, настолько и прост: все интеллектуальные права родственны по своему объекту. Как указано в ст. 1226 ГК РФ, они признаются на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Действительно, все они возникают, существуют и охраняются по поводу и в связи с тем или иным объектом интеллектуальной собственности, без которого само их существование непредставимо. Нет никаких сомнений, что именно такой взгляд положен в основу Части четвертой ГК РФ. Как писал В.А. Дозорцев, термин «интеллектуальные права» определяет группу прав «через объект, свойства которого оказывают решающее влияние на правовой режим»⁷.

На данном этапе уже можно сформулировать проблему, имплицитно заложенную в таком подходе, в виде следующего вопроса: могут ли две разные категории субъективных прав (имущественные и личные неимущественные), предназначенные для опосредования различных по своему характеру отношений, иметь один и тот же объект? Данный вопрос можно изложить и другим образом: следует ли полагать, что интеллектуальная собственность может выступать объектом личного неимущественного права?

В определенном смысле ст. 1226 ГК РФ уже дала нам утвердительный ответ на оба эти вопроса, признав личные неимущественные права составной частью интеллектуальных. Но удовлетворителен ли этот ответ? Как в таком случае быть с традиционным, совершенно обоснованным взглядом на объект личного неимущественного права как на неотторжимое от личности нематериальное благо? Достаточно ли нам для решения этой проблемы лишь

признать, что интеллектуальная собственность выступает одновременно и неотъемлемым благом, и объектом имущественных прав?

Представляется, что имеющее здесь место смешение чрезвычайно несходных объектов (интеллектуальная собственность и личное благо), которые роднит разве что нематериальный характер, не устранить особенностями словоупотребления. Сколь распространенный, столь же и неясный в содержании термин «дуализм», будь то дуализм интеллектуальных прав или дуализм самой интеллектуальной собственности, не в состоянии нам помочь. Базовая классификационная триада абсолютных прав, состоящая из вещных, личных неимущественных и интеллектуальных прав, выстроена на объектном критерии (вещь – личное благо – интеллектуальная собственность). Нет ничего удивительного в том, что среди интеллектуальных прав оказались также личные неимущественные, ведь и единство критерия классификации не выдержано.

Эта проблема не нова для права интеллектуальной собственности ни в России, ни за рубежом. Но нигде она не была проявлена столь выпукло, как в рамках Части четвертой ГК РФ, что в каком-то смысле стало продолжением достоинств последней. Ранее действовавший Закон РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», обладавший, как было замечено, неясным понятийным аппаратом и обилием противоречий⁸, в ст. 15 и 16 устанавливал некие «имущественные» и «личные неимущественные» права автора соответственно, упоминая лишь, что они признаются в отношении произведения. В отсутствие определенности по поводу того, что же это за личные неимущественные права автора (не говоря уже об имущественных), правоведы имели возможность отождествить или, во всяком случае, приблизить их природу к тем правам, защита которых возложена на институт охраны нематериальных благ.

Так, М.Н. Малеина выделяла применительно к личным неимущественным правам автора два параллельно существующих объекта: общий (сам результат интеллектуальной деятельности) и специальные (отдельные личные блага, такие как авторство, авторское имя, автономия целостности произведения и свобода определения судьбы произведения)⁹. Очевидно, что подобное удвоение объекта было призвано разрешить обозначенную выше проблему и вписать эти права одновременно и в концепцию личного права на неотчуждаемое нематериальное

⁷ Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации: сб. ст. М., 2005. С. 348.

⁸ См.: Яковлев В.Ф., Маковский А.Л. О четвертой части Гражданского кодекса России // Журнал рос. права. 2007. № 2. С. 4.

⁹ См.: Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 28, 29, 352.

благо, и в концепцию авторского права на результат творческой деятельности. Едва ли это можно назвать полностью удовлетворительным выходом из ситуации, но действовавшее тогда законодательство, по крайней мере, давало такую возможность.

Часть четвертая ГК РФ, гораздо более выверенная в своей понятийной составляющей, по большей части лишила нас и этого. Следует сказать все же, что некоторая путаница с объектами интеллектуальных прав сохранилась и поныне. В Гражданском кодексе РФ не определен объект личных неимущественных интеллектуальных прав. Так, в ст. 128 ГК РФ среди нематериальных благ названо авторство. В п. 1 ст. 1267 и п. 2 ст. 1282 Кодекса говорится также об авторском имени и неприкосновенности произведения. Но разве не интеллектуальная собственность служит объектом интеллектуальных прав?

Категория «личные неимущественные права, связанные с имущественными», которая в советском праве была противопоставлена охране «чисто личных благ»¹⁰, т.е. личным правам, не имевшим такой связи, также не кажется удовлетворительной. Дело даже не в том, что она не известна законодательству, но более всего в самой ее теоретической и содержательной размытости. Известно, что в советском праве ей обычно охватывались и права использования, что объяснялось зачастую неправовыми причинами, такими как особая идеологическая ценность произведения¹¹.

Реанимировав ее в новом виде (признав, например, те личные права, что закреплены в гл. 8 ГК РФ, не связанными с имущественными, а те, что закреплены в Части четвертой ГК РФ, — связанными), мы вновь столкнемся с вопросом о научной ценности классификации, в которой природа права диктуется не его объектом и характером, а некоей связью с другими правами¹².

Поставленный ранее вопрос, столь простой при первом приближении, требует более тщательного, чем могло бы показаться, изучения. Если и можно согласиться с какой-либо из претензий, высказываемых в свое время в адрес проекта Части четвертой ГК РФ, так это с тем, что ее концептуальная основа и понятийный аппарат, столь продуманные и местами новаторские в части исключительного права, остались в части личных неимущественных прав без должного осмысления и обновления.

¹⁰ Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 11.

¹¹ См.: Советское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. 2 / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1968. С. 447 (автор главы — А.И. Беспалова).

¹² См. подр.: Тагайназаров Ш. Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР. Душанбе, 1990. С. 11, 12.

Суперпозиция объекта интеллектуальных прав: между личным благом и нематериальным объектом sui generis

Проблематика объекта интеллектуальных прав имеет давнюю историю и неразрывно связана с их правовой природой и местом в системе субъективных гражданских прав. Теоретическая работа по поиску ответа на данный вопрос была начата в европейской цивилистике в первой половине XIX в. и к началу XX в. была в значительной степени завершена, во всяком случае, в том отношении, что новых вариантов ответа на него с тех пор так и не было предложено.

В отечественной науке гражданского права широко известна т.н. проприетарная теория интеллектуальной собственности, не в последнюю очередь потому, что именно она в последние несколько десятилетий выступала основным объектом критики и стала своего рода точкой отталкивания для понятийной трансформации Части четвертой ГК РФ. Версия данной теории предполагает отождествление по своим свойствам права собственности и права на результат интеллектуальной деятельности со всеми вытекающими последствиями, в частности, распространением на последнее триады «владение — пользование — распоряжение»¹³. Однако гораздо чаще эта теория содержит в себе некую условность в употреблении слова «собственность», предполагающую не вписывание прав на результаты интеллектуальной деятельности в существующее понятие права собственности, а расширение, по выражению И.Г. Табашникова, «римского понятия вещи на новые, во времена римлян неизвестные предметы»¹⁴.

Европейская дискуссия о состоятельности проприетарной концепции была блестяще запрототипирована и осмыслена еще в дореволюционной литературе¹⁵, поэтому едва ли стоит уделять подробное внимание данному предмету — он хорошо известен. Этой дискуссией была вдохновлена и концептуальная основа законодательства об интеллектуальных правах. Справедливое отторжение проприетарной теории, не расширяющей,

¹³ Гуляев А. М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения. Посobie к лекциям. СПб., 1911. С. 220, 221.

¹⁴ Табашников И. Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России. Т. 1. Литературная собственность, ее понятие, история, объект и субъект. СПб., 1878. С. 167.

¹⁵ См., напр.: Канторович Я. А. Литературная собственность. С приложением всех постановлений действующего законодательства о литературной, художественной и музыкальной собственности, вместе с разъяснениями по кассационным решениям Сената. СПб., 1895. С. 12–26; Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. С. 29–47.

а размывающей понятие вещи, вылилось в стройную и, как видится, чрезвычайно удачную концепцию исключительного права как единого имущественного права *sui generis* на результат интеллектуальной деятельности.

Проприетарной концепцией, однако, совершенно не исчерпывается дискуссия ни о природе интеллектуальных прав, ни даже о природе имущественных интеллектуальных прав. За спорами о соотношении терминов «собственность» и «интеллектуальная собственность» российская цивилистика упустила из виду другую ветвь научных теорий – ветвь, противоположную проприетарной. Речь идет о группе теорий, рассматривающих права на результат интеллектуальной деятельности как личное право. Обделив ее вниманием, российские правоведы тем самым упустили не только шанс извлечь из нее полезные уроки и выводы, но и возможность отвергнуть те ее положения, которые противоречат основам современного взгляда на интеллектуальные права. Как европейский, так и советский опыт в этой части остался по большому счету без внимания.

Во многом такое положение дел объяснимо. Очевидно, что постсоветское гражданское право, в том числе и право интеллектуальной собственности, отталкивалось в первую очередь от советского. Велико желание списать советский подход к авторским правам, признававший их все в той или иной степени личными («личными неимущественными, связанными с имущественными»), на некую правовую девиацию, отход от цивилистической нормы, продиктованный идеологическими причинами. Аналогия с «личной собственностью» и ее нынешней судьбой сама приходит на ум. Ирония заключается в том, что советское право не было ни изобретателем, ни даже единственным представителем данного юридического воззрения, а лишь адаптировало его под себя, по необходимости разбавив идеологически заряженными утверждениями об особой социалистической охране интересов автора, не допускающей эксплуатацию его творческого труда.

Корни же указанного подхода следует искать во все той же европейской цивилистической мысли XIX в. Признание за интеллектуальными правами особого, нового места в системе субъективных гражданских прав требовало научной и теоретической смелости и широты мышления. Это становится особенно очевидно, если принять во внимание, что до того момента эта система просуществовала без кардинальных перемен со времен римского права. Что же оставалось тем авторам, которых не удовлетворяла проприетарная теория? Выход был найден в другой, на тот момент достаточно новаторской, но уже имеющей твердую почву под ногами идее личного права. В европейской научной мысли

эта школа представлена целым рядом авторитетных ученых. Так, во Франции она ассоциируется с идеями А. Берто и ранними научными работами А. Морийо, относившими авторское право к естественному и личному, а в Германии известными представителями этого направления авторско-правовой мысли были И. Блюнчли и О. фон Гирке¹⁶.

Все представители данной школы в своей логике старались абстрагироваться от проприетарной теории, и концепция личного права казалась им весьма удачной заменой праву собственности. На формально-юридическом уровне она позволяла ответить на некоторые важные вопросы. Например, если право на произведение – это разновидность права собственности, то почему в таком случае срок его существования и охраны не просто ограничен по времени, но и привязан к сроку жизни автора? Потому, отвечал О. фон Гирке, что это не право собственности, а личное право автора¹⁷. Почему на субъективное авторское право, принадлежащее самому автору, невозможно обратиться взыскание и принудительно опубликовать произведение, удовлетворив за счет этого требования его кредиторов? Потому, отвечал А. Морийо, что это не имущественное право, подлежащее денежной оценке и свободно отчуждаемое, а личное, тесно связанное с автором¹⁸.

В этой точке начало проявлять себя пренебрежение строго правовыми конструкциями в пользу абстрактных философских и даже искусствоведческих аргументов, сопоставлявших результат интеллектуальной деятельности со «сферой», «продолгацией» или «эманацией» личности автора. Некоторые зарубежные исследователи называют эту школу авторского права, особенно характерную для немецкой юридической мысли, «эстетико-правовыми теориями»¹⁹. Юридическим же подспорьем для нее стала неясность места, занимаемого результатом интеллектуальной деятельности в системе объектов гражданских прав. Поиск этого места, как водится, сопровождался некоторыми эксцессами, и маятник, качнувшись в одну сторону (проприетарная теория и вещь), качнулся и в другую (тогда еще только оформлявшаяся теория личного права на нематериальные блага).

¹⁶ См.: *Lucas-Schloetter A.* Droit moral et droits de la personnalité: étude de droit comparé français et allemande. Aix-en-Provence, 2002. Т. 1. P. 57–59, 69, 70, 97, 98.

¹⁷ См.: *Rigamonti C.P.* The Conceptual Transformation of Moral Rights // *The American Journal of Comparative Law.* 2007. Vol. 55. P. 97, 98.

¹⁸ См.: *Morillot A.-P.* De la personnalité du droit de publication qui appartient a un auteur vivant // *Revue critique de législation et de jurisprudence.* 1872. Т. 2. P. 29–50.

¹⁹ *Saunders D.* Authorship and Copyright. NY; London, 1992. P. 115.

В то же время плоды, приносимые теорией личного права при ее приложении к результатам интеллектуальной деятельности, имели высокую цену и требовали двух глобальных допущений, без которых в ином случае стоило бы обойтись. Во-первых, требовалось приравнять результат интеллектуальной деятельности по своему режиму к нематериальным благам, ведь именно они выступают объектами личных прав. Во-вторых, требовалось признать самое тяжелое следствие такого уравнения, а именно неотчуждаемость субъективного авторского права, ведь именно таково свойство личных благ и, как следствие, прав на них. Эти допущения наиболее полно воплотились в теории О. фон Гирке, но в том или ином виде неизбежно присутствовали в работах всех перечисленных авторов.

Первое из упомянутых допущений можно назвать во всяком случае объяснимым, хотя оно, видится, ошибочно переступает черту, отделяющую метафору от строгого профессионального суждения об объекте права. Второе же настолько противоречило действительности, что немедленно вызвало критику и привело к теоретической корректировке, преимущественно связанной с именами все того же А. Морийо во Франции и Й. Колера в Германии. Оба автора, осознавая нежизнеспособность идеи о неотчуждаемых имущественных правах использования произведения, предложили известное сегодня деление авторских прав на имущественные и личные на основе их природы.

В версии Й. Колера интеллектуальные права представляли собой *Doppelrecht* (двойное право), включавшее в себя *Immaterialgüterrecht*, т.е. абсолютное имущественное передаваемое право *sui generis* на нематериальный объект, и *Urheberpersönlichkeitsrecht*, т.е. личное право, которое он вслед за О. фон Гирке относил к *allgemeines Persönlichkeitsrecht*, т.е. единому праву личности (институту охраны нематериальных благ)²⁰. А. Морийо в более поздних работах, испытывая на себе влияние немецкой мысли, также характеризовал авторское право как двойное, охватывающее собой два права «неравного значения и абсолютно разной природы»: имущественное право (*Droit réciaire*) на воспроизведение и моральное право (*Droit moral*), охраняющее личные интересы автора, связанные с произведением²¹.

В отличие от первой группы теорий, построенной на спорной посылке, но сохранявшей по крайней мере внутренне единство и непротиворечивость, данное ответвление лично-правовых теорий

еще более запутало ситуацию. Оно перенесло в правовую плоскость квазюридическое представление о дуальной природе произведения и предложило понимать его одновременно и как особое идеальное экономическое благо применительно к имущественным правам, и как неотторжимое нематериальное благо, отпечаток личности автора, по отношению к личным нематериальным авторским правам. Тем самым был проигнорирован базовый логический принцип «Один вид объекта — один вид права», лежащий в основе пообъектной классификации субъективных прав.

Ранние теории не страдали от этого методологического изъяна, так как все интеллектуальные права имели один объект (произведение, понимаемое как личное благо), а их весьма условное разграничение на имущественные и нематериальные производилось на основе интереса, к охране которого они преимущественно направлены. Здесь же они были помещены в состояние суперпозиции наподобие квантовой: их объектом выступает не то результат интеллектуальной деятельности как отдельная сущность *sui generis*, не то он же, но понимаемый в качестве личного нематериального блага, не то вовсе отдельные личные блага сообразно характеру конкретного права.

От суперпозиции к единому объекту интеллектуальных прав

Гражданское право с принятием Части четвертой ГК РФ, как видится, отторгло в равной степени и проприетарную теорию, и теорию личного авторского права. Свойственная ему система объектов гражданских прав построена на ясной дифференциации невещественных объектов. Одни (нематериальные блага в собственном смысле слова) принадлежат личности и охраняются в той степени, в какой его инструменты приспособлены для этого. Вторые (результаты интеллектуальной деятельности) разделяют с первыми разве что идеальный характер, но образуют совершенно независимый от них и по своей сущности, и по формальным признакам правовой режим. Статья 128 ГК РФ в этом смысле лишь обобщает общую логику законодательства Российской Федерации.

Даже сам термин «интеллектуальные права» оказался идеально приспособлен для того, чтобы отразить объектную специфику этих прав. Его автор Э. Пикар в своей работе «Чистое право» говорил о недостаточности унаследованного от римского права деления субъективных прав в зависимости от их объекта на личные, обязательственные и вещные. Выражение «*Droits intellectuels*» было призвано зафиксировать рождение четвертой объектной категории, равноценной первым трем и не пересекающейся с ними, — *jura in re intellectuali*,

²⁰ См.: *Saunders D. Op. cit.* P. 116.

²¹ См.: *Morillot A.-P. De la protection accordée aux oeuvres d'art, aux photographies, aux dessins et modèles industriels, et aux brevets d'invention dans l'Empire d'Allemagne.* Paris; Berlin, 1878. P. 108, 109.

или прав на нематериальный объект²². Как здесь не вспомнить слова Г.Ф. Шершеневича о необходимости отрешиться от римского права, не знавшего интеллектуальной собственности, и создать систему гражданского права, обнимающую все частные права²³. Именно такое видение и воплотилось в Гражданском кодексе РФ, оставившем позади наследие советского периода с его теорией личного авторского права.

И все же понятийная трансформация, начатая Частью четвертой ГК РФ, оказалась незавершенной в силу того, что неимущественные авторские права, приобретя статус интеллектуальных, сохранили статус личных. Отвергнув аналогию между правом собственности и имущественным интеллектуальным правом, закон оставил нетронутой аналогию между неимущественным интеллектуальным правом и личным правом. Объективно заложенное здесь противоречие в объекте не было должным образом осмыслено. Отчасти это объяснимо сравнительно компактным размером этого института и небольшим количеством посвященных им правовых норм. Во многом эта категория прав оказалась также заложником собственного наименования. Прилагательное «имущественный» обычно указывает лишь на одну из черт субъективного права, не предопределяя его природу, в то время как слова «личный неимущественный» отсылают ко вполне конкретной категории гражданских прав. Неимущественные права автора, без сомнения, обладают сходством с «традиционными» личными права, прежде всего в том отношении, что имеют в основном (но не исключительно) охранительный характер и признаются неотчуждаемыми. Но это сходство в выполняемой функции, а не в правовой природе, и может быть уподоблено сходству исключительного права и права собственности, в равной степени имущественных и отчуждаемых. И в том и в другом случае, как видится, сходство не должно вести к выводу о тождестве.

Присмотревшись же, мы увидим, что и признак неотчуждаемости применительно к авторским правам оказывается существенно ослабленным. По-другому не могло и быть, ведь объектом этих прав является благо, которое «вышло на божий свет и получило отдельное от личности автора существование»²⁴, чем совсем не напоминает личные нематериальные блага. Пункт 4 ст. 129 ГК РФ говорит, что отчуждаться могут не результаты интеллектуальной деятельности (средства индивидуализации), а права на них, и это справедливое

замечание, но вытекает оно из догматического представления об идеальном, невещественном характере интеллектуальной собственности.

Так или иначе с экономической точки зрения эти объекты, безусловно, участвуют в обороте, что создает закономерное трение между правообладателем и автором. Часть четвертая ГК РФ содержит в этой связи множество правовых норм, существо которых сводится или к ограждению правообладателя от злоупотребления автором своими неимущественными правами, или к предоставлении ему возможностей, которые весьма напоминают эти права. Эта черта не уникальна для российского права – возможность перехода моральных прав автора в порядке наследования, частичной передачи (или отказа) по договору в том или ином виде признается в законодательстве и судебной практике большинства континентальных стран, активно обсуждается в европейской цивилистике²⁵. В то же время и исключительное право по законодательству отчуждаемо не всегда, а лишь по общему правилу и сообразно природе его объекта.

Что же в таком случае остается от понятия личного права применительно к соответствующим авторским правам? Достаточно ли для признания их личными неимущественными того факта, что они предназначены в основном для удовлетворения персональных интересов автора? Ответ уже был дан в литературе, и его стоит привести здесь: «имущественный или неимущественный характер интереса... вообще не имеет решающего значения для характеристики соответствующего права... ибо субъективные права характеризуются не интересами, а объектом, на который они направлены и при помощи которого соответствующие интересы и получают удовлетворение, а также содержанием правомочий, составляющих данное субъективное право»²⁶.

* * *

Таким образом, осмысление интеллектуальных прав в качестве многосоставной, но все же одной категории субъективных прав, а не собирательного термина для обозначения абсолютно разных прав, как-либо связанных с интеллектуальной собственностью, образует первый шаг, необходимый для дальнейшего теоретического развития этого понятия. Сделав его, можно ставить перед собой

²² См.: Picard E. Le droit pur. Paris, 1908. P. 91–95.

²³ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 70, 71.

²⁴ Пилленко А.А. Новый закон об авторском праве. Текст закона, сопоставление с прежде действовавшим правом, подготовительные материалы. СПб., 1911. С. 4.

²⁵ См., напр.: Adeney E. The Moral Rights of Authors and Performers: An International and Comparative Analysis. NY, 2006. P. 208, 270–274; Janssens M.-C. Le droit moral en Belgique // Les Cahiers de propriété intellectuelle. 2013. Vol. 25. No. 1. P. 104–106; Lucas A., Lucas H.-J., Lucas-Schloetter A. Op. cit. P. 456, 457; Rigamonti C.P. Deconstructing Moral Rights // Harvard International Law Journal. 2006. Vol. 47. No. 2. P. 377, 378.

²⁶ Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М., 1957. С. 42, 43.

дальнейшие вопросы общего и частного характера. Так, имеет ли деление интеллектуальных прав на имущественные и неимущественные фундаментальный характер, или же существующие между ними отличия в отчуждаемости и характере охраняемого интереса — это отличия степени, а не рода, искусственно подчеркнутые законом? Можно ли считать право следования интеллектуальным абсолютным правом на произведение, или же оно представляет собой принадлежащее автору имущественное право требования, возникающие на основании отдельного юридического состава (отчуждение оригинала, перепродажа профессиональным участником художественного рынка)? Эти и множество других вопросов предполагают как минимум признание объектного, институционального единства интеллектуальных прав, понятийной независимости не только от вещного права, но и от прав на нематериальные блага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антимонов Б. С., Флейшиц Е. А. Авторское право. М., 1957. С. 42, 43.
2. Городов О. А. О проекте части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Правоведение. 2006. № 6. С. 36–51.
3. Гуляев А. М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения. Пособие к лекциям. СПб., 1911. С. 220, 221.
4. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации: сб. ст. М., 2005. С. 348.
5. Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 11.
6. Канторович Я. А. Литературная собственность. С приложением всех постановлений действующего законодательства о литературной, художественной и музыкальной собственности, вместе с разъяснениями по кассационным решениям Сената. СПб., 1895. С. 12–26.
7. Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010. С. 624.
8. Маковский А. Л. Об интеллектуальных правах // Актуальные вопросы российского частного права: сб. ст., посвященный 80-летию со дня рождения проф. В. А. Дозорцева. М., 2008. С. 223.
9. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 28, 29, 352.
10. Мозолин В. П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал рос. права. 2007. № 12. С. 100–109.
11. Пилленко А. А. Новый закон об авторском праве. Текст закона, сопоставление с прежде действовавшим правом, подготовительные материалы. СПб., 1911. С. 4.
12. Рожкова М. А. «Триада» интеллектуальных прав: верен ли законодательный подход // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 11. С. 16.
13. Советское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. 2 / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1968. С. 447 (автор главы — А. И. Беспалова).
14. Суханов Е. А. Гражданское право России — частное право. М., 2008. С. 143–150.
15. Табашников И. Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России. Т. 1. Литературная собственность, ее понятие, история, объект и субъект. СПб., 1878. С. 167.
16. Тагайназаров Ш. Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР. Душанбе, 1990. С. 11, 12.
17. Толстой Ю. К. О понятийном аппарате части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Правоведение. 2008. № 2. С. 39–43.
18. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. С. 29–47, 70, 71.
19. Яковлев В. Ф., Маковский А. Л. О четвертой части Гражданского кодекса России // Журнал рос. права. 2007. № 2. С. 4.
20. Adeney E. The Moral Rights of Authors and Performers: An International and Comparative Analysis. NY, 2006. P. 208, 270–274.
21. Janssens M.-C. Le droit moral en Belgique // Les Cahiers de propriété intellectuelle. 2013. Vol. 25. No. 1. P. 104–106.
22. Lucas A., Lucas H.-J., Lucas-Schloetter A. Traité de la propriété littéraire et artistique. Paris, 2012. P. 424, 425, 456, 457.
23. Lucas-Schloetter A. Droit moral et droits de la personnalité: étude de droit comparé français et allemande. Aix-en-Provence, 2002. Т. 1. P. 57–59, 69, 70, 97, 98.
24. Morillot A.-P. De la personnalité du droit de publication qui appartient à un auteur vivant // Revue critique de législation et de jurisprudence. 1872. Т. 2. P. 29–50.
25. Morillot A.-P. De la protection accordée aux oeuvres d'art, aux photographies, aux dessins et modèles industriels, et aux brevets d'invention dans l'Empire d'Allemagne. Paris; Berlin, 1878. P. 108, 109.
26. Picard E. Le droit pur. Paris, 1908. P. 91–95.
27. Rigamonti C. P. Deconstructing Moral Rights // Harvard International Law Journal. 2006. Vol. 47. No. 2. P. 377, 378.
28. Rigamonti C. P. The Conceptual Transformation of Moral Rights // The American Journal of Comparative Law. 2007. Vol. 55. P. 97, 98.
29. Saunders D. Authorship and Copyright. NY; London, 1992. P. 115, 116.

REFERENCES

1. Antimonov B. S., Fleishits E. A. Copyright. M., 1957. P. 42, 43 (in Russ.).
2. Gorodov O. A. On the draft of Part four of the Civil Code of the Russian Federation // Jurisprudence. 2006. No. 6. P. 36–51 (in Russ.).

3. *Gulyaev A.M.* Russian Civil Law. Review of the current legislation and the draft Civil Code. Handbook for lectures. St. Petersburg, 1911. P. 220, 221 (in Russ.).
4. *Dozortsev V.A.* Intellectual rights: concept, system, tasks of codification: collection of arts. M., 2005. P. 348 (in Russ.).
5. *Ioffe O.S.* Soviet Civil Law. M., 1967. P. 11 (in Russ.).
6. *Kantorovich Ya. A.* Literary property. With the attachment of all the resolutions of the current legislation on literary, artistic and musical property, together with explanations on the cassation decisions of the Senate. St. Petersburg, 1895. P. 12–26 (in Russ.).
7. *Makovsky A.L.* On the codification of Civil Law (1922–2006). M., 2010. P. 624 (in Russ.).
8. *Makovsky A.L.* On intellectual rights // Topical issues of Russian Private Law: collection of articles dedicated to the 80th anniversary of the birth of Prof. V.A. Dozortsev. M., 2008. P. 223 (in Russ.).
9. *Maleina M.N.* Personal non-property rights of citizens (concept, implementation, protection): dis. ... Doctor of Law. M., 1997. P. 28, 29, 352 (in Russ.).
10. *Mozolin V.P.* On the concept of intellectual rights // Journal of Russ. law. 2007. No. 12. P. 100–109 (in Russ.).
11. *Pilenko A.A.* New Copyright Law. The text of the law, comparison with the previously valid law, preparatory materials. St. Petersburg, 1911. P. 4 (in Russ.).
12. *Rozhkova M.A.* “Triad” of intellectual rights: is the legislative approach correct // Journal of the Court of Intellectual Rights. 2016. No. 11. P. 16 (in Russ.).
13. Soviet Civil Law: textbook: in 2 vols. Vol. 2 / ed. by O.A. Krasavchikov. M., 1968. P. 447 (author of the chapter – *A.I. Beshpalova*) (in Russ.).
14. *Sukhanov E.A.* Civil Law of Russia – Private Law. M., 2008. P. 143–150 (in Russ.).
15. *Tabashnikov I.G.* Literary, musical and artistic property from the point of view of civil law and according to the regulations of the legislatures: Northern Germany, Austria, France, England and Russia. Vol. 1. Literary property, its concept, history, object and subject. St. Petersburg, 1878. P. 167 (in Russ.).
16. *Tagainazarov Sh.T.* Civil Law regulation of personal non-property rights of citizens in the USSR. Dushanbe, 1990. P. 11, 12 (in Russ.).
17. *Tolstoy Yu. K.* On the conceptual apparatus of Part four of the Civil Code of the Russian Federation // Jurisprudence. 2008. No. 2. P. 39–43 (in Russ.).
18. *Shershenevich G.F.* Copyright on literary works. Kazan, 1891. P. 29–47, 70, 71 (in Russ.).
19. *Yakovlev V.F., Makovsky A.L.* On the fourth part of the Civil Code of Russia // Journal of Russ. law. 2007. No. 2. P. 4 (in Russ.).
20. *Adeney E.* The Moral Rights of Authors and Performers: An International and Comparative Analysis. NY, 2006. P. 208, 270–274.
21. *Janssens M.-C.* Le droit moral en Belgique // Les Cahiers de propriété intellectuelle. 2013. Vol. 25. No. 1. P. 104–106.
22. *Lucas A., Lucas H.-J., Lucas-Schloetter A.* Traité de la propriété littéraire et artistique. Paris, 2012. P. 424, 425, 456, 457.
23. *Lucas-Schloetter A.* Droit moral et droits de la personnalité: étude de droit comparé français et allemande. Aix-en-Provence, 2002. T. 1. P. 57–59, 69, 70, 97, 98.
24. *Morillot A.-P.* De la personnalité du droit de publication qui appartient a un auteur vivant // Revue critique de législation et de jurisprudence. 1872. T. 2. P. 29–50.
25. *Morillot A.-P.* De la protection accordée aux oeuvres d’art, aux photographies, aux dessins et modèles industriels, et aux brevets d’invention dans l’Empire d’Allemagne. Paris; Berlin, 1878. P. 108, 109.
26. *Picard E.* Le droit pur. Paris, 1908. P. 91–95.
27. *Rigamonti C.P.* Deconstructing Moral Rights // Harvard International Law Journal. 2006. Vol. 47. No. 2. P. 377, 378.
28. *Rigamonti C.P.* The Conceptual Transformation of Moral Rights // The American Journal of Comparative Law. 2007. Vol. 55. P. 97, 98.
29. *Saunders D.* Authorship and Copyright. NY; London, 1992. P. 115, 116.

Сведения об авторе

ОВЧИННИКОВ Иван Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Удмуртского государственного университета; 426034 Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4

Authors’ information

OVCHINNIKOV Ivan V. – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Udmurt State University; 4, bld. 1 Universitetskaya str., 426034 Izhevsk, Udmurt Republic, Russia